
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Памятные даты

*А. В. Крейцер,
ведущий редактор Музея*

Л. С. ВЫГОТСКИЙ: ЗНАК ПРОТИВ СИМВОЛА

Ноябрь 2011 г. отмечен памятной для РГПУ датой — 115-летием со дня рождения выдающегося психолога Льва Семеновича Выготского (05(17).11.1896—11.06.1934).

В январе 1924 г. после Второго психоневрологического съезда от руководства психологическим институтом при Московском университете был отстранен основатель этого главного научно-психологического центра страны профессор Г. И. Челпанов (1862—1936). Институт возглавил профессор К. И. Корнилов. Именно тогда в психологический институт пришли новые люди. К их числу принадлежал и Лев Семенович Выготский, которому в то время было двадцать восемь лет. Заняв должность младшего научного сотрудника (тогда говорили: сотрудника 2-го разряда), Выготский с первых дней своего пребывания в институте проявляет поразительную активность: он выступает с множеством докладов и в самом институте, и в других научных учреждениях Москвы, читает лекции студентам, развертывает с небольшой группой молодых психологов экспериментальную работу и очень много пишет. В научной психологии Выготский был в то время человеком новым и во многом чужим, хотя быстро стал «своим». Для самого же Льва Семеновича психология стала близкой давно — прежде всего в связи с интересами в области искусства, о которых мы имеем представление по его диссертационной работе «Психология искусства» (1925).

Не многие знают, что в 1927—1928 гг. Выготский по совместительству работал в ЛГПИ, приезжая в наш город из Москвы. Характеристика, выданная ему институтом, сообщает: «Штатный профессор, беспартийный. Крупный ученый в области педологии, ученый с мировым именем. Руководит аспирантскими семинарами, научно-исследовательской работой аспирантов, работой научно-экспериментальной лаборатории, ведет курс “Трудного детства” на Педагогическом отделении. Является консультантом кафедры по линии научной работы. Живет и работает постоянно в Москве. В Ленинград приезжает на одну шестидневку в месяц. Тем не менее играет роль одного из руководящих работников кафедры»¹.

Персональная карточка Л. С. Выготского из Музея истории Ленинграда, составленная в 1968 г., в графе «Краткое описание трудового или боевого подвига» сообщает: «Л. С. Выготский принадлежит к числу ведущих и самых известных советских психологов. Он сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии советской психологии: «Внесение в советскую психологическую науку исторического подхода к развитию психических процессов человека, борьба за создание конкретно-психологической теории сознания и в связи с этим углубленное экспериментальное изучение развития понятий у детей, разработка сложного вопроса о соотношении обучения и умственного развития ребенка — таков был вклад Л. С. Выготского в советскую психологию (А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия)». Л. С. Выготский — один из создателей советской специальной психологии. Он первым

в Советском Союзе выступил с новыми научными принципами воспитания и обучения дефективных детей. Эти принципы положены в основу строительства специальных школ в СССР. Л. С. Выготский своими работами по исследованию развития высших психических функций, их изменения в условиях аномалии и их распада при мозговых поражениях, проведенными еще в 20-х гг., заложил основу новой области науки — нейропсихологии, которая окончательно сформировалась в наше время»².

Какова же была направленность психолого-педагогической деятельности Выготского, если попытаться взглянуть на нее с современной точки зрения, из 2011 г.?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, каких взглядов придерживался отстраненный от должности перед приходом в институт Выготского профессор Георгий Иванович Челпанов. Он был значительной фигурой в науке — автором идеальнореалистической философии как наиболее ортодоксальной версии неокантианства в русской «академической традиции» (Введенский, Лапшин). «Новейший философский словарь» (2007) сообщает: «В его творчестве заметно влияние Беркли и Юма. Последовательно выступал против любых форм материализма, часто отождествляя последний с его вульгарными формами. В центре его внимания — проблема “вещи в себе” (“нечто”) и вопросы гносеологии. Ощущения, по Ч., сигнализируют нам о наличии чего-то трансцендентного (или, по Ч., транссубъективного) вне сознания, являются его символами. “Нечто” не обладает качествами, свойствами, атрибутами или модусами, как считал имманентический идеализм, оно не есть “сумма представлений”, связанных по известному правилу, как утверждает трансцендентальный идеализм. Можно лишь утверждать, что “нечто” существует и обладает функцией воздействия»³.

Выготский заболел туберкулезом еще в 1920 г., и с тех пор обострения болезни не один раз ввергали его в пограничную между жизнью и смертью ситуацию. Одна из самых тяжелых вспышек заболевания припала на конец 1926 г. Тогда он написал письмо в ЛГПИ, выражая согласие приступить к работе в институте с 1 февраля 1927 г., «если состояние здоровья позволит». Но уже в сентябре 1928 г. Выготский извещал учебную часть и заведующего педологическим отделением о том, что ему запрещено врачами переезжать в этом году в Ленинград, и отказывался от преподавания из-за вреда, который может причинить здоровью ленинградский климат. В больнице в конце 26-го г. ученый принялся за одно из главных своих исследований «Смысл психологического кризиса». Эпиграфом к трактату послужил библейский текст: «Камень, который презрели строители, стал во главу угла». Этим камнем Лев Семенович назвал практику и философию.

Но в конце 1920-х — начале 30-х гг. сфера интересов Выготского — уже чисто инструментальная психология. Он вводит понятие о знаке, выступающем особым психологическим инструментом, применение которого, ничего не меняя в веществе природы, служит могучим средством превращения психики из природной (биологической) в культурную (историческую). Тем самым отвергалась принятая до того в психологии схема «стимул — реакция». Она заменялась другой: «стимул — стимул — реакция», где в качестве посредника между внешним объектом (стимулом) и ответным действием организма (психической реакцией) выступает особый стимул — знак. Этот знак представляет собой некий инструмент, при оперировании которым у индивида из его первичных природных психических процессов (памяти, внимания, ассоциированного мышления) возникает особая, присущая только человеку система функций второго социокультурного порядка. Выготский назвал их высшими психическими функциями. Наиболее значимое из достигнутого в этот период Выготским и его группой было сведено в пространную рукопись «История развития высших психических функций».

Понятия знака и символа очень близки. И тот, и другой обозначают, символизируют нечто. Говоря о знаке, Выготский, думается, имел в виду что-то весьма близкое символу у Челпанова. Но сколь разительно отличается осмысление этих понятий у двух ученых! Лев Семенович несомненно «приземляет» символ. Именно с «приземлением» понятия «символ» связано употребление термина «знак» Выготским, а вслед за ним современной наукой семиотикой, вклад в развитие которой ученого огромен. Впрочем, символ не совсем понятие, ибо последнее характеризует причинно-следственную связь вещей, а символ не соединяет вещи причинно-следственными отношениями — он лишь дает представление о них, показывает, что за одним объектом стоит другой, за ним еще один и т. д. Но выдающийся советский психолог объясняет формирование высших психических функций у человека как происходящее посредством стимула-знака, ставя знак, родившийся из символа, в причинно-следственный ряд. И хотя Лев Выготский — выпускник 1917 г. историко-философского факультета Московского университета им. А. Л. Шанявского — в своих трудах первоначально, особенно в работе «Смысл психологического кризиса», много говорил о философии, пытаясь соединить ее с практикой, философского обоснования ни символа, ни знака он не дал. Да и не мог дать. Ибо для этого ему пришлось бы погружаться в глубины философии, идеалистической по своим истокам. То есть ему пришлось бы возвращаться к Челпанову, объясняя метафизическое и трансцендентное происхождение знака и символа, а не ограничиваться истолкованием практической роли знака в деле формирования высших психических функций, не рассматривать знак лишь как инструмент.

Хотя в «инструментальной» области заслуги ученого исключительно велики. Согласно Выготскому, культурные знаки (прежде всего знаки языка) служат своего рода орудиями, оперируя которыми субъект, воздействуя на другого, формирует собственный внутренний мир, основными единицами которого являются значения (обобщения, когнитивные компоненты сознания) и смыслы (аффективно-мотивационные компоненты). Психические функции, данные природой («натуральные»), преобразуются в функции высшего уровня развития («культурные»). Так, механическая память становится логической, ассоциативное течение представлений — целенаправленным мышлением или творческим воображением, импульсивное действие — произвольным и т. п. Выготский считал: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, — сперва социальном, потом — психологическом. Сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Зарождаясь в прямых социальных контактах ребенка со взрослыми, высшие функции затем «вращиваются» в его сознание («История развития высших психических функций», 1931). На основе этой идеи Выготским было создано новое направление в детской психологии, включающее положение о «*зоне ближайшего развития*», оказавшее большое влияние на современные отечественные и зарубежные экспериментальные исследования развития поведения ребенка. Принцип развития сочетался в концепции Выготского с принципом системности. Он разработал понятие о «психологических системах», под которыми понимались целостные образования в виде различных форм межфункциональных связей (например, связей между мышлением и памятью, мышлением и речью). В построении этих систем главная роль была придана первоначально знаку, а затем — значению как «клеточке», из которой разрастается ткань человеческой психики. Совместно с учениками Выготский экспериментально проследил основные стадии преобразования значений в онтогенезе («Мышление и речь», 1934) и пр. Идеи Выготского оплодотворили не только психологию и ее различные отрасли, но также другие науки о человеке (дефек-

тологию, языкознание, психиатрию, искусствознание, этнографию и др.). Дали они очень многое и семиотике — науке о знаках.

Но не является ли одной из главных причин кризиса, который переживает сейчас эта наука, ее преимущественная сосредоточенность на «инструментальной» области и очень частый отказ от попыток заглянуть в метафизические глубины знака, понять, что сами наши ощущения есть символы трансцендентного? Ведь за стимулами-знаками Выготского тоже стоит челпановское «нечто», о коем они «сигнализируют», которое обозначают, отражают, символизируют. Это «нечто» ученый не захотел или не мог заметить по причине его служения атеистическому государству — тому государству, которому он был обязан своей научной карьерой и которое, если бы Выготский не умер своей смертью, скорее всего стерло бы его в порошок, как это оно сделало с философом-идеалистом профессором Челпановым.

Петербург — один из самых символических, трансцендентных и непостижимых городов мира. Но это и город весьма конкретный, центр которого был создан в конце XVIII—начале XIX в. по единому плану за несколько десятилетий силой человеческого духа, соединенной с силой ума. Такой Петербург являет единение трансцендентного и «конкретного», практического начал. И возможно если бы Выготский чаще приезжал в наш город и чаще работал в нем, он в полной мере успел бы объединить практику с философией в едином краеугольном камне психологии. Не исключено, что последние два года перед смертью от туберкулеза в 1934-м, оказавшиеся у Выготского снова связанными с ЛГПИ, были попыткой слияния с трансцендентным и подготовкой к нему.

Последовательность смены руководства психологическим институтом при Московском университете — смены, благодаря которой сделал свою научную карьеру Выготский, странным образом повторила другую последовательность, а именно — смены в истории человечества символического (средневекового) сознания причинно-следственным. Философ Челпанов, хотел он этого или нет, был выразителем символического сознания, а Выготский — причинно-следственного. Само включение в причинно-следственный ряд символа и превратило последний в знак. Но если символическое сознание сменило причинно-следственное, то ныне должен явить себя какой-то иной тип сознания, преодолевший предыдущие, но несущий их в себе. Быть может, Г. П. Щедровицкий (1929—1994) — философ-идеалист, методолог и педагог, в котором парадоксальным и редким образом сочетались любовь к чистому мышлению и всепоглощающая страсть к практической деятельности, был одним из немногих примеров человека нового сознания. Выготский, в начале своего пути пытавшийся слить философию с практикой, тоже приблизился к порогу нового сознания, но возможно окончательно воплотил его в себе уже после смерти, в иных мирах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ФМИ им. А. И. Герцена. Оф. В-34. Л. 18.
2. ФМИ им. А. И. Герцена. Оф. В-34. Л. 24.
3. Словопедия. Новейший философский словарь. Ст. «Челпанов». <http://www.slovopedia.com/6/215/771370.html>